

Детский фольклор калмыков (жанровая система)

Children's Folklore of the Kalmyks (the Genre System)

Т. Г. Басангова (T. Basangova)¹

¹ доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). Email: basangovatg@kigiran.com

Ph. D. of Philology (Doctor of Philological Sciences), Leading Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: basangovatg@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена изучению жанрового состава детского фольклора калмыков — фольклора, который предназначен для детей, являясь неотъемлемой частью народной культуры. В состав детского фольклора включают творчество детей, образцы устного творчества, созданные специально для детей, а также «перешедшие» в разряд детских.

Ключевые слова: детский фольклор, калмыки, жанровая система, классификация, полевые исследования.

Abstract. The article studies the genre composition of children's folklore of the Kalmyks, i. e. folklore dealing with children, an integral part of traditional culture. Children's folklore comprises children's creative works, samples of oral tradition created exactly for children as well as those 're-categorized' as childish.

Keywords: children's folklore, Kalmyks, genre system, classification, field studies.

Детский фольклор — фольклор, который предназначен для детей, являясь неотъемлемой частью народной культуры. Исследователи устного народного творчества определяют его как «часть народной духовной культуры, представляющую совокупность разных жанров, объединенных предназначенностью определенным возрастным группам (дети, подростки) [Восточно-славянский фольклор 1993: 383]. При этом в понятие «детский фольклор» включаются и творчество детей, и образцы устного народного творчества, специально созданные взрослыми для детей, и образцы «взрослого» фольклора, которые перешли в разряд детских.

Фольклористами Калмыкии проводится большая работа по сбору, публикации, сохранению и популяризации детского фольклора. Фольклор является исключительно значимым дидактическим материалом в воспитании детей. Многие жанры детского фольклора были восстановлены в результате проведенных полевых экспедиций благодаря материалам, записанным от информантов. Эти жанры представлены заклинаниями, детскими стихами, колыбельными, считалками, скороговорками и сказками с этимологической концовкой; были также записаны детские игры. При восстановлении жанров калмыцкого детского фольклора большим подспорьем послужили произведения калмыцкой литературы, а также опросные листы, специально созданные для полевых исследований.

Первые записи детского фольклора калмыков зафиксированы в ранних учебниках и букварях — это приметы-шинж, сказки разных жанров, отличающиеся краткостью и затейливостью, предназначенные для детской аудитории. Образцы детского фольклора нашли место в записях калмыцкого фольклора 1960-х гг. [Архив КалмНЦ РАН], а также в поздних записях и публикациях калмыцкого фольклора [Алtn чеежтэ 2010; Т. С. Тягинован 2011: 37–39; Басангова 2014а]. Детский фольклор калмыков как отдельная фольклорная система, входящая в общую систему культуры, стал предметом изучения калмыцких фольклористов Т. Г. Борджановой (Басанговой), Б. Б. Оконова.

Книга Т. Г. Борджановой «Сказки бабушки Саглар» [Саглр ээжин туульс 1989], составленная по полевым и письменным источникам, стала первым изданием, подготовленным в результате целенаправленного сбора материалов, в котором представлен многожанровый детский фольклор. В книге дана классификация жанров детского фольклора, выработаны термины, обозначающие жанры калмыцкого фольклора на калмыцком языке, — это считалки (*тоолдгуд*), дразнилки (*наадлад келдг үг*), скороговорки (*түргэр келдг үг*), размышления о животных (*шинжэс*), благопожелания (*йорэл*), загадки (*тээлвртэ туульс*), пословицы (*үлгүрмүд*), трехстишия (*орчлңлгин хурвн*), танцевальные прибаутки (*шавашмуд*),

песни (*дуд*), сказки (*туульс*); некоторые из указанных терминов одновременно представляют жанры обрядовой поэзии калмыков [Басангова 2009б]. В книге «Детский фольклор калмыков» (исследование и тексты) представлено исследование детского фольклора калмыков [Басангова 2009а: 76]. В качестве приложения даны тексты, тщательно классифицированные. На первом этапе работы по подготовке был проведен сбор материала из разных источников — письменных и устных, на втором этапе — теоретическое осмысление материалов.

Определенное значение при классификации жанров калмыцкого фольклора имеют труды фольклористов Китая, которые также собрали, изучили детский фольклор ойратов Синьцзяна [Детский фольклор 2010].

Кроме фольклористов, проблемы детства в калмыцком обществе исследовались этнографами [Шараева 2011а]. Как известно, у калмыков была развита игровая культура, которая была тесно связана с традиционной хозяйственной деятельностью калмыков — скотоводством. Прежде всего, речь идет об игре в альчики, которая развивала у детей пространственное мышление, умственные способности — обучение счету, физическое развитие — развитие моторики пальцев. Многие игры имитировали хозяйственную деятельность: игры «зарканивание коня», «белый верблюд» [Омакаева 2010; Шараева 2011б].

Первым фольклорным жанром, с которым знакомится ребенок, является колыбельная песня. В давние времена колыбельная для ребенка была своеобразным оберегом от злых духов [Манджиева 2014]; «...Размеренная мелодия колыбельной песни успокаивала ребенка, приучала к человеческой речи ... посредством колыбельной песни учили ребенка родному языку, расширяя его предметный мир» [Манджиева 2014]. Колыбельные песни исполнялись матерями, бабушками, которые укачивали младенца в колыбели на руках. В тексте песен употреблялось такое художественное средство, как сравнение, например, *Арчад орксн альмн болгсн / Бүүвлдэ-бүүвлдэ / Аав, ээжин баран болгсн / Бүүвлдэ-бүүвлдэ* ‘Словно вытертое яблоко / Для отца и матери — сама душа’; встречаются такие эпи-

теты, как *алтн шовун* ('золотая птичка'), *сээхн иньгм* ('прекрасный любимец'), такие параллелизмы, как *Түңг бутын йоралд / Туулан кичг бээнэ / Түгдһр бийән хураһад / Түгдиж кевтэд унтэж / Төрмһр көвүн, унтич!* 'У основания корневища ковыля / Зайчонок спрятался / Сутулое тело свое, собрав в комок / Стал засыпать / Мой малыш, спи!' [Басангова 2009а: 28]. Из многообразия жанров детского фольклора калмыков особо выделяются *тоолдгуд* — считалки, с помощью которых учили маленьких детей счету. Они способствуют развитию эстетических и этических качеств детей и полнее других жанров отражают процесс становления ребенка. Считалка — рифмованный стишок, состоящий по большей части из придуманных слов и созвучий с подчеркнута строгим соблюдением ритма. С помощью считалок дети устанавливают очередность при игре. Как известно, издревле калмыки придавали счету, пересчитыванию магический смысл, никогда не называя точного числа предметов. К примеру, число «пять» обозначалось словосочетанием *дөрвнэс үлү* 'больше, чем четыре'. В основе этих представлений лежит вера в магию счета и, возможно, в сглаз [Борджанова 1999: 44]. Среди считалок можно выделить разные виды: считалки, обучающие счету, или «числовые загадки»; считалки, применяемые при игровых жеребьевках (игра в прятки, в догонялки) [Басангова 2009а; 2013б; Манджиева 2013].

Согласно данным информантов, обучение счету проходило в несколько этапов [Омакаева, Валетова 2009]. Сначала в стихотворной форме обучали названиям пяти пальцев на руке:

большой палец — *эркэ*,
указательный палец — *хумха*,
средний палец — *дунд хурһн*,
безымянный — *нерн уга*,
мизинец — *чигчэ (чигчхэ)*.

По представлениям калмыков, пальцы руки могли разговаривать друг с другом, один из этих разговоров отражен в игре и выглядит следующим образом. Пальцы должны быть сжаты в кулак, затем каждый из пальцев «говорит» свои слова, разжимая кулак. Темой этой игры является воровство скота:

большой палец: *Хулха кея* ('Совершим воровство');
указательный: *Мал авч ирхм* ('Пойдем скот воровать');
средний: *Хааһас авч ирхм* ('Когда начнем');
безымянный: *Эзн һархла* ('Когда хозяин выйдет') [Научный архив КалмНЦ РАН].

Таким образом, маленький калмык с детства через восприятие фольклорного текста, через пальцевые игры учился простым и сложным действиям с числами.

Дети приучались с малых лет жить в гармонии с окружающим миром, ребенок с самого детства был участником детских подвижных игр, а также включался в обрядовую жизнь. В образцах калмыцких закличек *дуудлүгүд*, которые записаны в полевых экспедициях, дети обращаются к природе и природным стихиям с помощью кратких призываний. В детских закличках важную роль играют звуковые и ритмические повторы, где главным является обращение к природным стихиям — дождю, граду [Басангова 2013а; 2014а].

Среди калмыцких сказок *туульс* выделяются *ахр тууль* — 'короткая сказка' (бытовая, сатирическая, сказка о животных) и *ут тууль* — 'сказка длинная, большая по объему повествования'. В корпус детского фольклора входят, прежде всего, калмыцкие сказки о животных, отличающиеся своей краткостью и лаконичностью. П. Небольсин, описывая детство детей-калмыков, отмечает особое единство маленьких калмыков и домашних животных: маленьких калмыков во время перекочевки «в зыбках выючили на верблюда, отличающегося неравномерностью движений, от этих движений детские игрушки болтаются во все стороны, ребенок следит за ними, зорко на них смотрит» [Небольсин 1852: 90–91]. Неудивительно, что в детском фольклоре имеются сказки о животных. В сюжетах калмыцких сказок о животных представлены следующие животные: слон, лев, барс, волк, лисица, заяц, суслик, мышь, верблюд, медведь, марал. Небольшой пласт представляют сказки, где героями являются насекомые: муравей, комар, вошь, лягушка, паук; птицы: петух, воробей, ястреб, баклан, павлин; домашние животные: козел, бык, баран. В этих сказках животные яв-

ляются главными действующими лицами, наделены человеческой речью, вступают в спор друг с другом, чтобы разрешить тот или иной вопрос. В сюжетах бытовых сказок животное выступает второстепенным животным, помощником героя сказки. Каждый из животных в калмыцкой сказке, как и в мировом фольклоре, имеет свою характеристику: лиса коварна, волк глупый и жадный, мышь отличается хитростью и проворством, верблюд — малоподвижностью. В калмыцких сказках о животных, как и в человеческом сообществе, звери помогают друг другу в той или иной ситуации [Басангова 2017: 50].

В сюжетах бытовых сказок калмыков можно отметить следующие оппозиции: «умный — дурак, глупый», «богатый — бедный», «щедрый — скупой», «добрый — злой», — которые характеризуют героев. Бытовая сказка калмыков, прошедшая длительное развитие и имеющая в некоторых сюжетах древние корни, не могла также заинтересовать детскую публику.

Герои юмористических и бытовых сказок носят имена с неясной этимологией: это старик по имени Тегтхя, старик по имени Ухр, Кедея. Каждый из этих персонажей обладает каким-либо волшебным предметом или его сопровождает животное. Так, у старика Тегтхя есть сумка из верблюжьей брюшины, куда он прячет иглу, совиные яйца и змею, а также железные тиски. Походка его передается звукоподражанием «тек-тук». Он пытается напугать старуху при помощи волшебных предметов, хитроумно расставив их по юрте, замысел удается — старуха умирает, но и сам старик Тегтхя умирает от приступа безудержного смеха. В этом сюжете интересен мотив умирания от смеха [Басангова 2002].

В. Я. Пропп в работе «Русская сказка» описывает разряд кумулятивных сказок, «основной композиционный прием которых состоит в каком-либо многократном, все нарастающем повторении одних и тех же действий, пока создаваемая таким образом цепь не обрывается или же не расплетается в обратном, убывающем порядке <...> Кроме принципа цепи, возможны и другие виды постепенного нарастания или нагромождения» [Пропп 2000: 343–344]. Калмыцкие кумулятивные сказки также являются частью фоль-

клерного наследия калмыков. Сказки этого жанра стали частью детского фольклора в силу своей цепевидной структуры [Басангова, Манджиева 2011; Манджиева 2011: 100].

Наиболее архаический пласт калмыцкой сказочной прозы составляют этиологические сказки калмыков, объясняющие происхождение животных и птиц, а также особенности их характера, внешнего вида и повадок. Эти небольшие по объему сюжеты отвечают на вопросы типа: почему произошло, как возникло, отчего?. Большинство сюжетов этиологических сказок опубликовано в сборнике «Калмыцкие сказки», составленном Б. О. Джимбиновым. Это сказки «Почему комар жалобно поет?», «Почему у совы нет ноздрей?», «Петух и павлин». Действие этих сказок начинается с зачина: «Это было давным-давно, когда на земле только появились звери». Композиция этиологических сказок усложнена, так, в сказке «Почему комар жалобно поет» имеется мотив «трудных задач» — хан всех зверей дает трудное задание комару: «Облети весь мир, попробуй кровь всех живых существ, чья кровь слаще». Комар выполняет задание хана, но встречает на обратном пути ласточку, которой сообщает о том, что слаще кровь у человека, и показывает ласточке язык, который та вырывает с корнем. Сюжет этиологической сказки объясняет сразу два явления из мира животных: первое — с этих пор змеи стали питаться лягушками, второе — у комаров вместо языка выросло жало. Поиски вариантов этого сюжета привели к тому, что было зафиксировано: в калмыцкой фольклорной традиции сохранилось еще несколько сюжетов, родственных первому, но объясняющих еще и другие явления: почему у ласточки раздвоен хвост — в третьем сюжете разлившийся на ласточку змей стреляет в ласточку, стрела попадает в ласточкин хвост и разделяет ей хвост на две части. Ласточка спасла людям жизнь, победив змея и его посланника-комара, с тех пор калмыки не трогают ласточку, не трогают ее гнезда. В следующем сюжете змей, который хочет погубить людей, носит имя Зууган Убуш. Комар во рту носит кровь змею, ласточка вырывает комару язык, но комар не сдаётся и продолжает выполнять свою миссию, и тогда отчаявшаяся ласточка летит к птице Хан Гаруди, которая

сражается со змеем и побеждает коварного змея, бросив его тело в море (и этих пор калмыки сравнивают пение трубы *бюря* с шумом крыльев волшебной птицы Хан Гаруди). Итак, четыре варианта данного сюжета этиологической сказки дали ответ на следующие вопросы: почему комар жалобно поет, почему у ласточки раздвоенный хвост, как звучит калмыцкий музыкальный инструмент труба-*бюря*, почему змеи стали питаться лягушками, почему ласточка живет под крышей дома? Персонажи этиологических сказок — это и черно-полосатый змей, и хан с ханшей, и мифическая птица Хан Гаруди. Персонажи-животные изображены динамично, они постоянно находятся в действии, наделены человеческой речью. Таким образом, этиологические сказки являются своеобразным художественным отражением представлений людей о мире, о природе, с их помощью формируется мировосприятие маленького калмыка.

Воспитательный характер у калмыков имели запреты и приметы, способствовавшие формированию мировоззрения подрастающего ребенка и предотвращению его неправильного поведения. В книге «Детский фольклор калмыков» автором приведен ряд примет и запретов, с помощью которых родители формировали поведение ребенка, например: *Гер дотр ишкрдм биш / Орндан дуулдмн биш / Орндан уульдм биш* ‘Нельзя свистеть в кибитке / Нельзя петь, лежа в постели / Нельзя плакать, лежа в постели’ [Басангова 2009а: 56]. Это считалось дурным предзнаменованием и сулило несчастье. Существовал ряд запретов, которые, согласно народным представлениям, предвещали смерть, например: *Нурхан теврдм биш — эцк өңгрх / Өскалдэж йовдм биш — эк өңгрх / Элкэн теврдм биш — күүкд уга болх* ‘Нельзя держать руки сцепленными за спиной — [предвестие] смерти отца / Нельзя ходить на пятках — [предвестие] смерти матери / Нельзя держать скрещенные на животе (груди) руки — это [предвещало] смерть близких’ [Басангова 2009а: 56]. Эти и приведенные в книге запреты сохранились до настоящего времени и бытуют в современной устной традиции.

Фольклористами записано несколько образцов дразнилок, где объектом внимания являются и человек, и некоторые домашние

животные, обнаруживаются черты более крупных жанров. В основу «страшных историй», бытующих в калмыцкой среде и любимых детьми, легли сюжеты о демонологических существах — мусах, шулмусах, алмасах, а также о животных, — чаще всего о волках [Басангова 2011]. Сцена воспроизведения «страшных историй» описана в романе К. Эрэндженова «Береги огонь»: два мальчика-пастушонка рассказывают друг другу страшные истории, случившиеся с ними в ночное время [Эрэндженов 1969: 46–48].

Функциональное значение некоторых жанров калмыцкого фольклора (демонологических преданий, дразнилок, устных историй) — это обучение детей преодолению страха путем их воспроизведения в игровой форме [Басангова 2016: 26–31].

Календарная поэзия имеет древние корни, связанные с языческими временами. Песни, исполнявшиеся во время календарных обрядов, были одним из средств общения человека с окружающим миром. Силой их слова и звука древний человек пытался умиротворить природу, чтобы она помогала ему получить хороший урожай. Мысль о приплоде скота, тема труда, природы и природных стихий — главные в календарном цикле.

Изучение всех аспектов детского фольклора калмыков продолжается, материалы по детскому фольклору имеют и художественную, и дидактическую ценность. В дальнейшем необходимо изучение жанров детского фольклора в рамках фольклорной традиции монгольских народов, проведение ряда типологических параллелей.

Источники

Архив КалмНЦ РАН. Ф. Ц.-Д. Номинханова. Ед. хр. 4, 5.
ГА РО. Записи И. И. Попова. Ф. 55.

Литература

Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня = хранитель мудрости народной Шаня Боктаев. Запись Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.
Басангова Т. Г. Смеховая культура калмыков (предварительные заметки) // Смех: истоки и функции / под ред. А. Г. Козинцева. СПб.: Наука, 2002. С. 119–126.

Басангова 2009а — *Басангова Т. Г.* Детский фольклор калмыков. Элиста: КИГИ РАН, 2009. 76 с.

Басангова 2009б — *Басангова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2009. 52 с.

Басангова 2013а — *Басангова Т. Г.* Фольклор калмыков об обряде вызывания дождя // Актуальные проблемы развития агропромышленного комплекса Прикаспийского региона: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 22–24 мая 2013 г.). Элиста: КалмГУ, 2013. С. 224–226.

Басангова 2013б — *Басангова Т. Г.* Считалки в детском фольклоре калмыков // Новые исследования Тувы. 2013. № 1 (17). С. 101–107.

Басангова Т. Г. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков // Новые исследования Тувы. 2011. № 2–3 (10–11). С. 269–278.

Басангова 2014а — *Басангова Т. Г.* Заклички в детском фольклоре калмыков // Традиции и новаторство калмыцкой национальной художественной культуры: литература, фольклор, искусство. Элиста: Изд-во Калм. ун-та 2014. С. 27–29.

Басангова Т. Г. Представление страха в детском фольклоре калмыков // Дети и общество: Традиции и современность: мат-лы Всерос. заоч. науч. конф. Электронное издание. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 26–31.

Басангова Т. Г. Калмыцкие сказки о животных (из истории публикаций и переводов) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 1. С. 49–54.

Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б. Калмыцкая кумулятивная сказка: проблемы классификации и сохранности текста // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 177–181.

Борджанова Т. Г. Магическая поэзия калмыков. Элиста, 1999. 200 с.
Восточно-славянский фольклор: словарь научной и народной терминологии. Минск: Наука и техника, 1993. 478 с.

Детский фольклор ойратов Синьцзяна = Шинжэнэ өөрднрин куукдин келнэ билг / сост., пред. Н. Батбайра; перел. с ойрат. письм. (тодо бичиг) на совр. калм. письмо и пер. на рус. яз. Б. Х. Тодаевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 124 с.

Манджиева Б. Б. Кумулятивная сказка у калмыков (синоптический анализ разновременных текстов) // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1–2 (65). С. 100–106.

Манджиева Б. Б. Исследование детского фольклора калмыков [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2013. № 1. С. 155–158 // URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_17/5991-manzhieva.html (дата обращения: 20.03.2014).

Манджиева Б. Б. К вопросу изучения калмыцких колыбельных песен // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6 [электронный ресурс] // URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=16940> (дата обращения: 20.03.2014).

Небольсин П. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852. 192 с.

Саглр ээжин туульс / пред. сост. Т. Г. Борджановой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 44 с. (на калм. языке).

Омакаева Э. У. Народные игры // Калмыки. Сер. «Народы и культуры» / отв. ред. В. А. Тишков, С. В. Чешко. Москва, 2010. С. 364–375.

Омакаева Э. У., Валетова Э. «Пальцы» в языке и традиционной культуре калмыков // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее: мат-лы Междунар. научн. конф. 2009. С. 276–278.

Пропп В. Я. Русская сказка // Собрание трудов В. Я. Проппа / науч. ред. Ю. С. Рассказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.

Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгэс = Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой / сост., прил. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с.

Шараева 2011а — *Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков конца XIX – нач. XXI в. Элиста: Джангар, 2011. 223 с.

Шараева 2011б — *Шараева Т. И.* Детские игры и игрушки во второй половине XX в. в Калмыкии // Взаимодействие культур народов Прикаспия: мат-лы Региональн. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения профессора Урюбджура Эрдниеви́ча Эрдниева. Элиста: КалмГУ, 2011. С. 80–82.

Эрендженев К. Береги огонь. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1969. 108 с.